

Светлана Е. Кунцевич (Минск)

Функционально-стилевая дифференциация и лингвистическое моделирование военно-политических текстов

✦ Ключные речи:
 военно-политическая коммуникация, информационное оружие, военно-политический текст, многоуровневое лингвистическое моделирование, формализатор содержания текста, семантическая функция, глубинно-поверхностная формула абзаца, обобщенная семантико-синтаксическая модель текста, элементарный компонент содержания текста.

У раду се разматрају различити аспекти савремене области војно-политичке комуникације који су релевантни за спровођење семантичко-ситаксичког моделирања текстова који покривају ту област. Спроводећи функционалностилску диференцијацију испитиване грађе, аутор посебно сагледава спецификум презентовања војно-политичке проблематике у текстовима штампаних средстава јавног информисања.

Специфика функционирования человеческого сообщества как социального организма состоит в том, что каждый индивид вольно или невольно оказывается участником различных коммуникативных процессов, обеспечивающих существование современной ему цивилизации. К особой по своей значимости зоне международной и внутренней

коммуникации, несомненно, относится сфера военно-политических отношений. В настоящее время она требует самого пристального внимания лингвистов, так как в силу ряда объективных обстоятельств оказалась намного динамичнее любой другой в общечеловеческом смысле значимой сферы жизнедеятельности социума.

Скила 2005

1. Современная сфера военно-политической коммуникации. Проведенный нами анализ показал, что центральными темами современного военно-политического дискурса оказываются не только проблемы *войны и мира* в различных регионах планеты в их чистом виде. Этот список значительно расширен за счет включения в него:

- разнообразных аспектов переговорных процессов;
- новых приемов принудительной и народной дипломатии;
- выработки кардинальных способов совместной борьбы государств с международным терроризмом;
- поиска эффективных путей предотвращения и урегулирования военных, этнических и геополитических конфликтов;
- исследования реальных возможностей обеспечения национальной безопасности отдельных стран;
- совершенствования существующих систем коллективной безопасности военно-политических союзов государств;
- создания глобальной системы кооперативной безопасности.

Насилие по своей сути всегда синонимично разрушению материальных и/или духовных ценностей, а война по-прежнему остается насильственным продолжением политики, причем инвентарь средств, которыми она ведется, стал еще более изощренным. Характерной чертой начала нового тысячелетия является то, что в зону военно-политических интересов оказалось непосредственно вовлеченным глобальное информационное пространство, грозящее превратиться из блага цивилизации в опасную реальность, если своевременно не научиться разумно контролировать его. Человечество все

чаще сталкивается с такими информационными воздействиями, которые в завуалированной форме причиняют ему не меньше вреда, чем открытые военно-политические акции. Здесь имеются в виду различного рода информационные атаки, проводимые в рамках масс- или нью-медиа с целью оказания психологического воздействия как на социум в целом, так и на отдельных его представителей. Согласно экспертным оценкам, в настоящее время национальной безопасности государств угрожают такие факторы, как:

- отсутствие международных законодательных механизмов противодействия современным информационным технологиям;
- появление новых методов манипуляции восприятием, эмоциями, интересами и выбором рядовых членов общества;
- доступность информации для широких слоев населения, в том числе, для террористических организаций и отдельных террористически настроенных элементов.

Налицо современное преломление феномена, известного в литературе как *информационные войны*, о которых в своей известной типологии впервые упомянул Э. Тоффлер. Это войны третьей волны, принципиально отличающиеся от войн аграрного и индустриального периодов и ведущиеся не за территории или средства производства, а за средства обработки и порождения знаний. В качестве основных целей информационных атак выступают теперь системы знаний и представлений, а также области формирования мнений и принятия решений.

Одним из возможных способов ведения информационной/психологической операции является создание и рас-

пространение фиктивных сообщений, направленных как на индивидуальное сознание, так и на массовое сознание в целом (Stein.html.ssi). Если информационная операция верно просчитана стратегически и удачно проведена технологически, то она неизбежно оказывается результативной и вызывает в поведении адресата изначально заданные изменения. Опасность состоит еще и в том, что, целенаправленно подаваемая, всякая информация воздействует на мысли, эмоции и поведенческие мотивы не только рядовых граждан, но и власть предержащих, включая президентов, членов правительств, лидеров политических партий и блоков.

Иными словами, к началу нового тысячелетия наряду со смертоносными бомбами и ракетами, человечеству стало известно еще одно страшное, но относительно недорогое и экологически безопасное оружие – *информационное*. Последнее представляет собой средства, позволяющие целенаправленно активизировать в информационной системе определенные процессы, т.е. те процессы, в которых непосредственно заинтересован субъект, это оружие меняющийся.

Вместе с тем в военно-политической сфере наблюдаются и позитивные изменения. Так, распад Советского Союза положил конец открытой военно-политической конфронтации Востока и Запада, и в новых условиях политика холодной войны значительно трансформирована в политику партнерства ради мира. Деятельность многих международных организаций оказалась переориентированной на развитие взаимопонимания и двустороннего сотрудничества между ранее противоборствовавшими сторонами. В военно-политической сфере произошло смещение акцентов как в

планах обсуждаемой проблематики, так и в плане намерений заинтересованных сторон.

По сравнению с периодом холодной войны, заметно расширился круг участников военно-политических процессов, а печально известные события одиннадцатого сентября 2001 г. привнесли в нее дополнительную проблематику. Этот день считается отправной точкой в деле формирования системы глобальных мер, направленных на организацию совместной борьбы разных стран с международным терроризмом, что в свете последних трагических событий в Беслане делает ее особенно актуальной.

Однако новый отрицательный импульс к смещению военно-политических акцентов и изменению намерений участников коммуникативного процесса дала война в Ираке, связанная по своей сути с переделом мировых сфер влияния в пользу США и, что еще горше, все еще влекущая за собой ничем не оправданные человеческие жертвы.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что к настоящему времени сфера военно-политической коммуникации значительно расширила свои рамки в силу тех кардинальных изменений, которые претерпела действительность. Все это не могло не отразиться и на состоянии языка, который ее обслуживает, поэтому разноплановые исследования современного военно-политического дискурса представляются не только актуальными, но и в лингвистическом плане весьма перспективными.

2. Функционально-стилевое разнообразие военно-политических текстов.

Исходя из представления о том, что военно-политический дискурс облечен в материальную оболочку открытого,

пересекающегося множества реально порождаемых и воспринимаемых текстов, мы прежде всего попытались очертить внешние рамки интересующего нас интертекстуального полотна. С этой целью потребовалось рассмотреть значительное количество самых разнообразных текстовых произведений актуальной

военно-политической тематики. В исходной выборке оказались тексты, принадлежащие к различным функциональным стилям современного английского языка, включая *официально-деловой, научный, газетный и художественно-публицистический*, далее ранжированные нами так, как показано в таблице 1.

Таблица 1

134

Функционально-стилевая дифференциация исходной выборки текстов

Тип текста	Характер текста	Жанр текста	Стиль текста
Документ	Военно-политический, дипломатический	коммунике заявление соглашение договор меморандум нота	официально-деловой
	Военно-политический, юридический	акт закон свод законов устав хартия декларация конституция	официально-деловой
Статья	Военно-политический	новости сводка обзор очерк исследование популяризация	информационный информационный публицистический публицистический научный научно-популярный
Выступление	Военно-политический	речь обращение доклад интервью брифинг лекция	публицистический публицистический публицистический публицистический информационный научный
Книга	Военно-политический	мемуары монография научный сборник учебник	художественно-публицистический научный научный научно-популярный

Следующий этап анализа, проведенный с применением элементов анкетирования как лингвистов, так и специалистов соответствующего профиля, показал, что из указанной выборки следует исключить все военные документы и художественную публицистику. Первые, будучи предназначенными исключительно для военных, выполняют специфические функции и относятся к профессиональному военному дискурсу. Вероятно, именно по этой причине лишь их малая толика открыта для публичного доступа, в отличие от касающихся военных вопросов политических документов, которые в рамках представляемого исследования ранжируются как военно-политические. Относительно отражающих соответствующую проблематику художественных текстов важно подчеркнуть, что они, расширяя кругозор и затрагивая чувства своих читателей, действительно, побуждают многих из них к определенному социальному действию. Однако относятся эти тексты к принципиально иной сфере коммуникации – эстетической, в значительной мере подчиняясь ее законам.

За рамки предприняемого исследования также вынесены предварительно не подготовленные устные тексты, поскольку подчиняются они языковым нормам не письменной, а устной речи: не будучи графически оформленными, они требуют иного подхода к изучению и, по большому счету, являются предметом анализа фоностилистов.

Некоторая часть предварительно отобранных текстов, принадлежащих к различным стилям и жанрам современного английского языка, представлена в разработанном нами языковом курсе «Актуальные проблемы современности» (Кунцевич 2004а). Указанный курс направлен на развитие всех основных видов

англоязычной речевой деятельности на продвинутом этапе обучения и имеет своей основной целью стимулирование мыслительной активности студентов на иностранном языке. Система заданий *Language Focus*, входящая в каждый тематический блок курса, а также данный в приложении *гlossарий* могут рассматриваться как своего рода изложение результатов лексического, грамматического и лингвостилистического анализа текстов, так или иначе затрагивающих военно-политическую проблематику.

Наша рабочая гипотеза состоит в том, что открытое множество текстов, реально функционирующих в исследуемой сфере коммуникации, *принципиально* сводимо к некоторому конечному множеству обобщенных семантико-синтаксических моделей этих текстов. Следующим этапом анализа выступает формирование выборки текстовых произведений, в которых наиболее ярко, на наш взгляд, прослеживается описанное выше своеобразие военно-политического дискурса. Целью проводимого исследования является семантико-синтаксическое представление содержания этих текстов и выявление в процессе формализованной обработки их наиболее характерных лингвистических образцов. Последние можно рассматривать как искомое множество типичных моделей того специфического *сорта текстов*, который мы определяем как *военно-политический*.

3. Моделирование лингвистических объектов. Одним из основных инструментов проникновения в сущность изучаемых явлений любого порядка, включая лингвистические, было и остается моделирование. Однако надо признать, что структурализм в своей традиционной трактовке не в состоянии адекватно

решить проблемы моделирования текстов. Вместе с тем история развития научной мысли не раз доказывала, что попытки переосмыслить хорошо известные теории и факты приводят порой к неожиданно интересным результатам. Как представляется, вскрытие интегральных свойств и закономерностей таких сложных лингвистических образований, к которым относятся *текст* и *дискурс*, вполне возможно посредством построения их адекватных структурно-семантических моделей, с достаточной полнотой и точностью отображающих сущностные характеристики объекта исследования.

Проблема же состоит в том, что соответствующих указанным требованиям средств формализации содержательной структуры текста пока не предложено. В качестве аргумента приведем высказывание В. А. Звегинцева (Звегинцев 1976: 301) о том, что лингвистическое моделирование в принципе сводится к выражению «различного рода формальных схем, и это выражение столько же оснований называть формальной моделью, сколько отражение в водной глади звезд – звездами». Нельзя не признать, что значительная доля истины в этом утверждении есть, что само по себе стимулирует поиски путей совершенствования методик формализации сущностных составляющих лингвистических объектов.

Исходя из допущения о том, что всякий дискурс по форме своего существования *текстуален*, логично предположить, что текст, возведенный многими учеными в ранг единицы языка (Кубрякова 2004; Николаева 2000; Тураева 1986; Методология 1998 и др.), потенциально *дискурсивен*. Если при этом учесть, что полное содержание текста рождается за счет совместных усилий единиц всех его уровней, то к традиционной трихотомии

семантика – синтактика – прагматика следует добавить еще одну координату, принципиально отличающую текст от других языковых знаков, которую по аналогии можно условно назвать *дискурсивей* текста. Все обозначенные здесь уровни формирования текстовой семантики мы и пытаемся учесть, разрабатывая методику семантико-синтаксического моделирования современного военно-политического дискурса. В контексте вышеизложенного ее можно рассматривать как некий обновленный вариант старого лингвистического взгляда на новые проблемы текста.

Анализируя предшествующий опыт создания семантико-синтаксических языков для формализованной обработки содержания текстов, мы пришли к мысли о возможности построения *лингвистического формализатора* содержания военно-политического дискурса для кодирования и последующей обработки заключенной в нем многоуровневой текстовой информации.

Текст, понимаемый нами как интегративный языковой знак наивысшего порядка, учитывает и заложенный в нем дискурсивный потенциал. С этих позиций *дискурс* ассоциируется с протекающим в реальном режиме времени речевым общением – непосредственным и опосредованным, осуществляемым при помощи *текстов-дискурсов*. Сам же *текст* оказывается в таком случае сложным языковым знаком, своего рода квантом коммуникации, имеющим в дискурсе устную или письменную форму реализации.

Следует добавить, что на шкале моделируемости военные документы и художественные тексты занимают диаметрально противоположные позиции. Если первые представляют собой материал, удобный для отработки приемов

семантико-синтаксического моделирования, то вопрос о самой возможности адекватной моделируемости вторых остается для нас проблемой открытой. В этой связи уместно сослаться на рассуждения Ю. М. Лотмана (1970: 95) о неоднозначном характере художественных текстов, которым для сохранения информативности необходимо «постоянно выводиться из состояния автоматизма», присущего, по его мнению, структурам нехудожественным. Иными словами, «в структуре художественного текста одновременно работают два противоположных механизма: один стремится все элементы текста подчинить системе, превратить их в автоматизированную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации, а другой – разрушить эту автоматизацию и сделать самое структуру носителем информации» (Лотман 1970: 95). Неудивительно поэтому, что методики исследования художественного и нехудожественного текста заметно разнятся.

Разнообразие подходов определяется еще и тем, что лингвистов, как правило, интересует понятие *текст* вообще, а в центре внимания литературоведов находится конкретное художественное полотно во всем богатстве его семиотической палитры. Это и понятно, поскольку особый код художественного произведения ни в коем случае не состоит исключительно из языковых единиц, он в значительной степени индивидуален и, кроме того, сами языковые единицы заметно подвергнуты в нем эстетической модификации (Лотман 1981: 4–5). Напротив, именно «состояние автоматизма» и «автоматизированная грамматику» нехудожественных текстов позволяют всерьез ставить вопрос о реальной возможности их адекватного многоуровневого лингвистического моделирования.

4. Исследования «военного» дискурса СМИ. К зоне своего основного исследовательского интереса мы относим тот маргинальный сорт текстов военно-политической тематики, который находится на пересечении четырех институциональных дискурсов – политического, военного, общественного и масс-медийного. Как представляется, именно там функционируют тексты, в которых наиболее полно отражается очерченное выше своеобразие современной сферы военно-политической коммуникации.

Необходимо отметить, что существует великое множество работ, посвященных изучению политических текстов. Пожалуй, наиболее полно их специфика освещена в трех выпусках коллективной монографии (Методология 1998; Методология 2000; Методология 2002), вышедших под общей редакцией известного белорусского лингвиста И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Приведем лишь одно из определений, выбранное из целого ряда иных, предлагаемых авторами монографии, поскольку оно непосредственно касается интересующего нас сорта текстов: «Под *политическим текстом* следует понимать «целевой» текст (преимущественно газетный), репрезентирующий *ситуацию сообщения* и обладающий информативной функцией. Структура политического текста характеризуется высокой степенью обобщенности» (Суркова 1998: 77). Применительно к нашему случаю характеризуемое понятие охватывает печатные масс-медийные тексты информационного характера, в которых затрагивается военно-политическая проблематика. Следует отметить, что значительная часть исследований политического дискурса, представленных в монографии, выполнена именно на материале текстов СМИ, что кажется вполне закономерным.

Будучи наиболее доступным и пространственным источником сведений об окружающей действительности, масс- и нью-медиа являются основными каналами тиражирования любых идей, в том числе и идей военно-политического характера. Неслучайно поэтому, что анализ освещения военных действий, межнациональных и межэтнических конфликтов выступает теперь важным междисциплинарным научным направлением, лежащим на пересечении интересов политической филологии, социолингвистики, этнопсихологии, этносоциологии и политической психологии.

Одну из своих основных задач представители этого направления видят в том, чтобы вскрыть истинную роль прессы в манипуляции общественным сознанием, которая ведет к искажению массовых представлений социума о межэтнических отношениях. В поле зрения исследователей попадают особенности используемых в печати этнических стереотипов и способы их подачи журналистами. В работе (Малькова 2001: 79) подчеркивается особая опасность распространения через прессу «этноконфликтных» образов и идей, включая различного рода «фобии» – «кавказофобию», «мусульманофобию», «русофобию», «мигрантофобию».

Многие авторы показывают, что в основе внедрения в сознание читателей стереотипов и предрассудков лежит выбор лексики. Так, еще до печально известных событий 11 сентября любое упоминание о терроризме вызывало у американцев совершенно определенную ассоциацию: «террорист – значит обязательно араб». Проблема состоит в том, что такое предубеждение легко приводит к более общей сентенции, а именно: «все арабы – террористы». Аналогичный стереотип, ничуть не изменившийся даже

после Беслана, сформирован и российской прессой: «террорист – значит обязательно кавказец», следовательно, «все кавказцы – террористы».

Не менее актуален и анализ роли инструментария печатных и электронных СМИ в ведении информационных войн и организации психологических операций, которые упоминались выше. Без выявления дискурсивных механизмов манипуляции общественным сознанием, исследования способов языкового выражения национальных и этнических стереотипов, описания семантики и риторики информационных атак нельзя досконально понять, каким образом естественный язык при определенных условиях способен превращаться в один из наиболее эффективных видов оружия из когда-либо известных человечеству.

В статье И. В. Жукова «Война в дискурсе современной прессы», размещенной на Интернет-сайте http://teneta.rinet.ru/rus/ii/iliazhukov_war.htm, справедливо отмечается, что современные формы ведения войны в значительной степени отличаются от традиционных, поскольку не могут быть сведены только к маневрам, наступлениям, штурмам и взятиям вражеских рубежей. Концепт *война* стал гораздо более многомерным и вбирает в себя *различного рода действия, направленные на ослабление, деморализацию, уничтожение или самоуничтожение противника*. Автор анализируемой работы определяет современные войны как «дискурсивные», представляющие собой мощное и эффективное средство достижения информационного превосходства, которое обеспечивает доминирование элит как во внутренней, так и в международной политике государств. В основной полигон современной войны, часто далекой от открытого насилия и

реальных боевых действий, превращается человеческая психика, что делает последствия такой войны в высшей степени разрушительными. Ее скрытый, необъявленный характер деформирует массовое сознание и изощренным путем ведет к обретению господства одних социальных или этнических групп над другими.

Рассматривая особенности дискурса печатных СМИ о войне в любом ее проявлении, И. В. Жуков называет этот дискурс «военным» и ведет речь о таких его разновидностях, как дискурс военных о войне, выступающий в жанрах «доклада» или «сводки»; дискурс политиков о войне как разновидность политического дискурса в жанре «интервью» и дискурс журналистов о войне, основные черты которого наиболее отчетливо прослеживаются в новостном жанре. К этому перечню следовало бы добавить дискурс лидеров общественного мнения, в качестве которых выступают известные писатели, ученые, деятели культуры, представители авторитетных неправительственных организаций, причем роль этой составляющей «военного» дискурса в современных условиях заметно возрастает. Наряду с информированием читателей, указанные разновидности «военного» дискурса с различной степенью эксплицитной выраженности выполняют также ориентирующую и манипулятивную функции (см. табл.2).

Ориентирующая функция реализуется посредством освещения только определенных проблем и событий, придания особого веса одним из них и понижения ценности других. Как правило, это происходит в угоду тем, кто, имея доступ к каналам СМИ, пытается манипулировать общественным сознанием, заведомо регулируя поведение рядовых членов социума. *Манипулятивная* функция СМИ реализуется как скрытый вид духовного воздействия, мишенью которого выступают психологические структуры индивидов.

По мнению И. В. Жукова, власть, которой обладают СМИ, имеет прежде всего «дискурсивную основу», которая включает в себя, по крайней мере, два компонента – *социальный и когнитивный*. Социальное измерение войны проистекает из понимания дискурса как социальной практики. Социальные практики характеризуются, в свою очередь, когнитивным измерением, поскольку соотносимы со знаниями и мнениями, нормами и ценностями, убеждениями и верованиями, стереотипами и предубеждениями людей. Именно дискурс выступает основным генератором и модулятором упомянутых здесь когнитивных компонентов человеческой психики.

В целом традиционные подходы к изучению роли СМИ в создании и распространении сообщений о войне ограничиваются количественным и качественным

Таблица 2
Структура «военного» дискурса современной прессы

Разновидности «военного» дискурса	Характерные жанры текстов	Функции дискурса
Дискурс военных о войне	доклад, сводка	информирующая,
Дискурс политиков о войне	интервью	ориентирующая,
Дискурс журналистов о войне	новости	манипулятивная
Дискурс лидеров общественного мнения	интервью, обзор	

анализом используемой военной терминологии. Подобных работ было выполнено много, однако ввиду кардинально изменившегося облика прежде двупольного мира, результаты многих из них в современных условиях частично потеряли свою актуальность.

Рассмотрение лингвистических аспектов «военного» дискурса СМИ открывает один из реальных путей к решению проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности социума, поскольку позволяет выявить приемы манипуляции общественным сознанием, получить новые знания о лингвистическом инструментарии информационных войн, а также уточнить взаимоотношение таких принципиально важных понятий, как *язык* и *идеология*. При изучении информационных и психологических войн в исследовании вовлекаются коммуникативные методы и технологии их ведения, рассматриваются семиотические модели психологических операций, а также особенности медиа-текстов, решающих задачи указанных операций (Почепцов 2001а; Почепцов 2001б).

Вышеупомянутая статья И. В. Жукова посвящена рассмотрению особенностей освещения в СМИ Кавказской войны 1998–2000 гг. на материале находящихся в открытом доступе разножанровых публикаций из электронных версий газет и журналов, написанных на русском, немецком и русском языках. Используя междисциплинарную методику комплексного дискурс-анализа, автор статьи пытается соотнести дискурсивные структуры и стратегии ведения информационных операций с соответствующим им социальным и историческим контекстом. При этом наряду с общими темами и локальными значениями лексических единиц изучается синтаксическая форма

предложений, исследуется общая организация текста, рассматриваются используемые в нем коммуникативные стратегии, речевые акты и риторические приемы.

При оценке роли прессы в освещении событий военного характера И. В. Жуков предлагает принимать во внимание ряд следующих обстоятельств:

- Самое общее правило использования приемов манипуляции общественным сознанием основано на посылке о том, что истинно любое утверждение, ложность которого не может быть доказана. Этот прием особенно эффективен, если он опирается на различные стереотипы или их разновидности – предубеждения.
- Большая часть читателей практически не имеет доступа к иным источникам информации, документально описывающим военные действия, а знания о войне черпает не из собственного опыта, а из художественной литературы и СМИ.
- Не пытаясь детально анализировать преподносимую информацию, многие читатели безоговорочно принимают на веру ту социальную версию события, которую предлагает пресса.
- Военный дискурс конституируется в СМИ посредством создания положительного имиджа *мы-групп* и негативного имиджа *они-групп*, которые разводят участников конфликта по две стороны баррикады – *свои/наши vs. чужие/враги*. Детали, которые могут негативно повлиять на возвращаемый в сознании читателей имидж *мы-групп*, предельно свертываются или вовсе опускаются.

- С целью повышения степени убедительности и весомости преподаваемой информации в новостном дискурсе широко используются цитаты. При этом, высказывания представителей *они-групп* обычно усиливают общий негативный эффект восприятия *чужих*, цитирование представителей *мы-групп* укрепляет позитивный имидж *своих*.

Следует особо подчеркнуть, что прямая отнесенность реальных боевых действий к войне в современных условиях зачастую вуалируется, и в прессе они подаются как шаги, направленные на установление, сохранение или укрепление демократии. Известно, что уже в годы Вьетнамской войны в США специально составлялись словари *политических эвфемизмов* для замены лексики, имеющей эксплицитную связь с понятием *война*. Так, военные операции во Вьетнаме поначалу выступали как «программа умиротворения», а затем ввиду провала последней превратились в «защитную реакцию США». Позднее за словесной ширмой «предотвращения гуманитарной катастрофы» в американской прессе скрывались ничем иным не оправданные бомбардировки Косово. Жестокость, проявленную в целом ряде случаев российскими военными, искалеченные человеческие судьбы и разрушенную экономику Чечни также невозможно списать за счет «наведения конституционного порядка» или «проведения антитеррористических операций». Налицо проявление целенаправленных попыток официальных кругов исключить из дискурса СМИ неудобную им военную терминологию, а вместо нее ввести в обиход политические обороты гуманитарного характера. Создаваемая подобным образом виртуальная

реальность является социально ориентированной версией отражаемой действительности и камуфлирует истинную суть подаваемых журналистами событий.

В сообщениях прессы о войне доминирует общая *дискурсивная стратегия положительной саморепрезентации и диффамации противника*. Важную роль при этом играют способы номинации действующих лиц, естественно поэтому, что в западной печати втянутые в боевые действия чеченцы выступают как *повстанцы, партизаны* или *бойцы сопротивления (rebels, patriots of the Chechen nation, rebel fighters, guerrillas)*, а в русскоязычных СМИ они превращаются в *боевиков, террористов* или *бандитов*. Разнятся также способы номинации действий конфликтующих сторон: в англоязычной прессе операции российских военных характеризуются как *вторжение* или *нападение (invasion, intrusion, assault)*, а действия противоборствующей стороны автоматически превращаются в *сражение за независимость* и *борьбу с оккупантами (fighting for independence, struggle against invaders)*. Однако нельзя не заметить, что события сентября 2001 г. заставили официальные круги большинства стран реально оценить опасность поддержки терроризма в любом его проявлении. Как следствие, СМИ стали проявлять ранее не виданное единодушие в отрицательной оценке террористических актов, влекущих за собой гибель гражданских лиц и значительные материальные разрушения.

Особое внимание современных исследователей привлекает проблема понимания лексических ограничителей (в другой терминологии – «*аппроксиматоров*» или «*сдержанных высказываний*»), которые, обладая высоким манипулятивным потенциалом, значительно влияют

на формирование читательской оценки сообщаемого. Подобные «загородки» могут строиться за счет использования характерных лексических единиц (например, повторяющегося союза *либо*), выполняя при этом функции отражения неопределенности, защиты от ложных интерпретаций, уклонения от ответственности, демонстрации отношения автора к выраженной им пропозиции. Защиту от ложных интерпретаций ставит, например, уточняющий оборот с *то есть*, поясняя и конкретизируя содержание предыдущего высказывания и указывая единственный способ его возможной интерпретации. В качестве «загородок» также могут выступать вводные конструкции, привносящие в высказывание элемент ограничения ответственности говорящего. В частности, вводная конструкция *по-моему* относит сказанное к разряду субъективных мнений, допуская при этом возможность признания его ошибочным.

Военные новости, как правило, подаются по схеме «уточнение», в соответствии с которой *заголовок* формулирует основную тему сообщения, *вводка* дает краткое описание произошедшего, а *основной текст* и *видеоряд* уточняют его детали. На общее восприятие содержания печатного текста влияют не только название рубрики, в которую он включен (*Special Report, News Special, Russia in Turmoil* и пр.), но также цвет, тип и размер шрифта, особенности макетирования самого текста и расположения иллюстративного материала к нему. Полное содержание печатных текстов о войне создается совместными усилиями всех традиционно выделяемых языковых уровней, а также целым рядом иных факторов, формализацией которых в настоящее время мы пытаемся заниматься.

5. Семантико-синтаксическое моделирование военно-политических текстов.

Идея семантико-синтаксического моделирования лингвистических объектов восходит своими корнями к грамматике НС-составляющих Н. Хомского, структурному синтаксису Л. Теньера, а также падежно-ролевым грамматикам Ч. Филлмора и У. Чейфа. Свое дальнейшее развитие она находит в работах по синтаксической семантике, семантическому и композиционному синтаксису, в центре внимания которых остается предложение, долгие годы считавшееся наиболее крупной единицей языка (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, Д. Г. Богушевич, А. К. Киклевич, В. В. Мартынов, А. И. Михневич, Ю. С. Степанов и др.).

Представители различных зарубежных лингвистических школ вовлекли в процесс моделирования речевые высказывания конкретной прагматической заданности, превышающие по своему объему предложение. Последнее оказалось возможным благодаря появлению логико-гносеологических исследований Ч. Пирса и семиотики Ч. Морриса. Моделирование в рамках популярного ныне критического дискурс-анализа (Т. А. ван Дейк, Р. Водак, Н. Фейрклау, Р. Лакофф) в определенном смысле сродни классическому контент-анализу (Г. Лассуэлл, П. Лаверсфельд, И. Уилли, Н. Лейтс) или фреймовому подходу к представлению содержания сверхфразовых единств и более крупных речевых образований (М. Минский, Р. Шенк, Р. Абельсон, Ч. Филлмор, В. Кинч).

Весьма ощутимый вклад в разработку основного объекта своего исследования внесла лингвистика текста (И. Р. Гальперин, Т. С. Глушак, Т. М. Николаева, З. Я. Тураева и мн. др.). Справедливости ради

отметим, что идея моделирования текста зародилась не во второй половине прошлого столетия, а восходит к античной риторике Аристотеля и Цицерона, традиции которой наиболее успешно развиваются сейчас в рамках теории речевой коммуникации (Дж. Остин, Дж. Серль, Д. Вандервекен, Н. Д. Арутюнова, М. Л. Макаров, И. П. Сусов, Г. Г. Почепцов, О. Г. Почепцов).

Современная лингвистика значительно расширила свои интересы и в сферу ее компетенции вовлечены теперь многообразные, осуществляемые с помощью языка, типы социального взаимодействия. В лингвистической науке явно наблюдается перемещение акцента с рассмотрения тематического, структурно-семантического и функционально-стилистического аспектов текста к тщательному анализу его когнитивных, прагматических и диалогических характеристик, манифестирующихся как в поле отправителя, так и в поле адресата. В этой связи заметим, что одной из вероятных причин отсутствия единой трактовки базовых лингвистических понятий *текст* и *дискурс* является богатство и разнообразие существующей палитры подходов к интерпретации и анализу именуемых ими объектов.

Как уже упоминалось, в основе предлагаемой нами методики исследования дискурса лежит принцип семантико-синтаксического моделирования и формализованной содержательной обработки текстовой информации, а в качестве инструмента исследования используется формализатор содержания военно-политических текстов, первоначальная версия которого представлена в работе (Кунцевич 2004б). Базовой составляющей формализатора является ситуативно-ролевой классификатор содержания текста, на данный момент включающий

шесть типов глубинных семантических функций, среди которых *актанты*, *сир-константы*, *детерминативы*, *логемы*, *экспресемы* и *дискурсеми*. Каждый из указанных типов семантических функций распадается на то или иное количество глубинных падежей, набор которых определяется сутью и релевантностью выделенных семантических ролей, закрепленных за участниками военно-политических процессов.

Глубинно-поверхностное значение функций позволяют раскрыть семантические маркеры, в случае необходимости дополняемые кодами своей конкретной реализации. Сделанная с их использованием запись 'AGT<Atr<027>*Prn<005>>' читается: '*Инициатор события* <лицо, активный союзник>'. В данном примере семантическая функция AGT уточняется с помощью семантического маркера *Prn*, обозначающего лицо, и семантического маркера *Atr*, вводящего атрибут. Код реализации атрибута <027> связан с семой *активный*, а код реализации лица <005> указывает на то, что в данной ситуации это лицо выступает как союзник.

Наряду с ситуативно-ролевым классификатором и классификатором семантических маркеров описываемый формализатор включает классификатор предикатов, классификатор логико-семантических скрепов, а также набор фиксаторов синтаксических отношений между однопорядковыми и разнопорядковыми элементами текста. Проиллюстрируем некоторые возможности практического использования разработанных средств на примере моделирования одного отдельного абзаца, произвольно извлеченного из актуального англоязычного текста военно-политического характера:

«The insistence by Brahimi and other U.N. officials that they would not begin a U.N.

peace-building operation until a sustainable cease-fire had been obtained and that security would have to be provided by others, moreover, was a lesson drawn directly from the perceived failure in Bosnia. Similarly, Brahimi's firm declaration that the U.N. will not make Afghanistan a protectorate, filling the vacuum of state institutions that currently prevails there, and that it will limit its mission to two years, reflects the lessons of U.N. missions in Kosovo and East Timor.»

Исходная глубинно-поверхностная формула любого абзаца (гпфа) получается в результате детального представления его семантико-синтаксической структуры, которое необходимо лишь на предварительном этапе обработки текстового материала. Затем эта формула упрощается до вида базовой структуры, которая и используется для проведения различных операций с содержанием как конкретного абзаца, так и целого текста. Предлагаемая гпфа иллюстративного абзаца выдержана именно в этом формате:

INN * AGT * Prn<007> & AGT * Atr<003>
 * Ppl<014> * GCH[AGT * Prn<007> & AGT
 * Atr<003> * Ppl<014> + R¹<V002> + OBJ
 * Atr<003> * Prc<001> + CND[CTL * EVL
 * Stt<005> + R¹<V010>]] & GCH[CTL *
 Stt<006> + R¹<V003> + INS, + INT], + R¹
 <V001> + TRM * GCH <Red²<V008> + MNR
 + TRG * EVL * PLC * Grz<003>>. SIM, + INN
 * Prn's<007> EVL * Int<001> * GCH[[AGT
 * Ins<006> + R¹<V011> + RCP * Ins<001>
 * FTR, * GCH<Rng²<V004> + CHN * EVL *
 Ins<005> * GCH [T_{1M} + R¹<V006> + PLC]>],
 & GCH [AGT<Ins<006>>+R¹<V007> + FNC
 + MSR], + R¹<V008> + TRM * FNC * PLC *
 Grz<003> & Grz<003>.

В гпфа каждая семантическая функция выделена шрифтом и расширена за счет заключенной в угловые скобки аргументной группы, в которой содержится информация о глубинно-поверх-

ностном представлении этой функции. Шрифтом также выделяется предикат (Rⁿ), имеющий при себе индекс первого, второго или иного порядка, а в случае необходимости и мнемонический индекс своего типа (ed, ng, aj). Код семантической группы предиката дается в угловых скобках справа от него. В зависимости от уровня соподчинения семантические функции соединяются между собой знаком '+' (независимая функция) или знаком '*' (включенная функция), цепочка семантических маркеров также объединяется 'звездочкой'. Знак '&' сигнализирует о наличии соединительной связи между соответствующими элементами гпфа. Пунктуация оригинала сохраняется, а квадратные скобки используются для обозначения границ придаточных предложений.

Посредством анализа гпфа можно получить объективную информацию, касающуюся различных лингвистических параметров текста. Вполне очевидной, например, оказывается принадлежность абзаца к тому или иному риторическому типу – описательному, повествовательному, аргументативному или смешанному. В нашем случае об описательном характере абзаца явно сигнализирует целый ряд семантических функций. К ним можно отнести актанты *CTL* <Катализатор события>, *CHN* <Проводник события>, *TRG* <Триггер события>, *RCP* <Реципиент события>, уточняемые детерминативами *GCH* <Характеристика>, *FTR* <Свойство>, *FNC* <Функция>, *MSR* <Мера> и экспрессивной *EVL* <Оценка>. Вместе с тем наличие логемы *SIM* <Сходство> свидетельствует о том, что в данном абзаце наличествует и элемент анализа. Таким образом, по своему функционально-смысловому (риторическому) свойству наш абзац следует все же отнести к смешанному типу

Таблица 3

Warfare	a cease-fire; obtain a cease-fire
Peace-Building	Brahimi and other U.N. officials; Brahimi's declaration; a U.N. peace-building operation; U.N. missions in Bosnia
Security	provide security; a U.N. operation; U.N. missions
State	state institutions; a protectorate

145

и классифицировать его как описание-анализ (O—A).

Препарируя базовую гпфа далее, семантику (S) исследуемого абзаца можно отразить и несколько иным образом:

$S(O—A) = LOC <COG^1<WAREFARE> + COG^2<PEACE-BUILDING> + COG^3<SECURITY> + COG^4<STATE>> + ILL <PSG^1<антитеза<WAR-PEACE> \& \text{положительная коннотация} <INN / CTL * EVL * Stt<005> / INN * EVL * Int<001>> \& \text{отрицательная коннотация} <TRG * EVL * PLC / CHN * EVL * Ins<005> / TRM * GCH / TRM * FNC * PLC> \& \text{интенсификация тезиса} <THS * INT> \& \text{сравнение ситуаций} <SIM>> + PRL <DLG <WAREFARE\&PEACE-BUILDING\&SECURITY\&STATE> + PSG^2<положительная коннотация} <INN / CTL * EVL * Stt<005> / INN * EVL * Int<001>> \& \text{сравнение ситуаций} <SIM>>.$

Из последней формулы следует, что полное содержание анализируемого абзаца, являющегося по своей риторике описанием-анализом (O—A), формально представляет собой пересечение нескольких множеств семантических элементов, входящих в функции LOC, ILL и PRL.

При этом локутема (LOC) манифестируется поверхностной семантико-синтаксической структурой абзаца и базируется на нескольких когнемах (COG), представленных перечисленными ниже концепта-

ми (с примерами поверхностных реализаций последних) – (см. табл.3)

Иллокутема (ILL) как реперезентированная в тексте авторская интенция создается посредством использования психологемы PSG¹, которую составляют имплицированная антитеза, положительная коннотация, отрицательная коннотация, интенсификация тезиса и сравнение ситуаций.

Перлокутема (PRL) реализуется на рациональном и эмоциональном уровне восприятия текста за счет диалогемы (DLG), создаваемой пересечением и совместным функционированием в мышлении читателя перечисленных выше когнем, а также психологемы PSG². Эта психологема активизирует в сознании отрицательную оценку деятельности ООН в Боснии, Косово и Восточном Тимуре, однако посредством положительных коннотаций ненавязчиво подсказывает читателю вывод о том, что эта организация извлекла серьезные уроки из ошибок прошлого и вновь полна решимости заниматься миротворческой деятельностью, подняв ее на качественно новый уровень.

Из вышеизложенного следует, что семантико-синтаксические формулы текстов, получаемые на основе первичной

нотационно-мнемонической записи их содержания, далее упрощаются с помощью ряда уточняемых сейчас процедур приведения формул к обобщенному виду, которые основываются на таких общеизвестных понятиях, как *тождество, подобию и толерантность*. При этом базовым выступает понятие *элементарного компонента содержания* (ЭКС) текста. ЭКС выделяются аналогично тому, как в семантической структуре слова выделяются семы, и через них явно прослеживается связь тематической структуры текста с его когнитивным сценарием, или концептуальным фреймом. Ранжирование ЭКС по степени их важности позволяет выделить *ЭКС I порядка*, коррелирующие

с основным содержанием текста, и *ЭКС II порядка*, связанные с его факультативным наполнением. Конечным результатом проводимых преобразований должны оказаться обобщенные семантико-синтаксические модели анализируемых текстов.

В заключение отметим, что определенная онтологическая универсальность семантических ролей, использованная в качестве отправной точки исследования, дает основания полагать, что разрабатываемая нами методика пригодна не только для лингвистического анализа англоязычного военно-политического дискурса, но и для исследования военно-политических текстов других языков.

summary

The functional-stylistic differentiation and linguistic modelling of military-political texts

The article "Functional-Stylistic Differentiation and Linguistic Modelling of Military-and-Political Texts" presents a linguistic approach to the content analysis of military-and-political discourse. The author touches upon the social specificity of the modern sphere of military-and-political communication, comments on the changes it has undergone since the collapse of the Soviet Union, singles out the main actors of the corresponding processes, briefly defining their basic roles. Apart from that, she classifies the texts functioning within the sphere of her scholarly interest in accordance with their type, character, genre and style.

Dwelling on the notion of contemporary war and the ways in which it is reflected in the press, the author centres round a thorough analysis and many-sided interpretation of the study by I. V. Zhukov devoted to the investigation into the same phenomenon but viewed from an interdisciplinary perspective.

Text content is understood by S. Eu. Kountsevitch as a complex multi-level structure, which embraces different types of text meaning including semantic, syntactical, pragmatic, and that of discourse. The underlying aim of the final stage of the research is to provide persuasive evidence that in the press there exists a specific sort of texts that can be referred to as military-and-political and, in principle, the number of its text models is calculable. In order to achieve this goal, the author has designed a special semantic tool which provides several sets of semantic functions and particular ways of operating them aimed at encoding, analysing and decoding content information. The notion of generalized

semantic-syntactical text model might be an effective instrument in developing convincing arguments to support the hypothesis that genetically the text belongs to language and not to speech.

Structurally, the identified problems are explored in five parts of the paper entitled as follows:

1. The modern sphere of military-and-political communication.
2. Functional-stylistic varieties of military-and-political texts.
3. Considering linguistic objects through their modelling.
4. Investigations into the mass media "war" discourse.
5. Semantic-syntactical modelling of military-and-political texts.

Литература

- Жуков war.htm: **Жуков, И. В.** Война в дискурсе современной прессы. – http://teneta.rinet.ru/rus/ii/iliazhukov_war.htm
- Звегинцев 1976: **Звегинцев, В. А.** Предложение и его отношение к языку и речи. – Москва: АН СССР. – 307 с.
- Кубрякова 2004: **Кубрякова, Е. С.** Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – Москва: Языки славянской культуры. – 560 с.
- Кунцевич 2004а: **Кунцевич, С. Е.** Актуальные проблемы современности = Challenges of the Modern World. В 2 ч. – Минск: МГЛУ. Ч.1. – 273 с. Ч.2. – 254 с.
- Кунцевич 2004б: **Кунцевич, С. Е.** Семантический формализатор содержания военно-политического текста. – In: Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. №(4)16. – Минск: МГЛУ. – С. 61–76.
- Лотман 1970: **Лотман, Ю. М.** Структура художественного текста. – Москва: Искусство. – 384 с.
- Лотман 1981: **Лотман, Ю. М.** Текст в тексте. – In: Ученые записки Тартуского государственного университета. – Вып. 567. Текст в тексте (Труды по знаковым системам XIV). – Тарту. – С. 3–17.
- Малькова 2001: **Малькова, В. К.** Образы этносов в современных российских СМИ. – In: Тезисы научно-практической конференции: Средства массовой информации в современном мире. – Санкт-Петербург. – С. 78–81.
- Николаева 2000: **Николаева, Т. М.** От звука к тексту. – Москва: Языки русской культуры. – 680 с.
- Почепцов 2001а: **Почепцов, Г. Г.** Теория коммуникации. – Москва: Рефл-бук, Киев: Ваклер. – 656 с.
- Почепцов 2001б: **Почепцов, Г. Г.** Информационные войны. – Москва: Рефл-бук, Киев: Ваклер. – 576 с.
- Суркова 1998: **Суркова, Е. С.** Семантико-синтаксическая структура политического текста – In: Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы анализа общественно-политических текстов. – Вып.1 / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: Белгосуниверситет. – С. 75–81.
- Тураева 1986: **Тураева, З. Я.** Лингвистика текста. – Москва: Просвещение. – 126 с.
- Методология 1998: Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы анализа общественно-политических текстов. – Вып.1 / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: Белгосуниверситет. – 283 с.

СВЕТЛАНА Е. КУНЦЕВИЧ

Методология 2000: Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы анализа общественно-политических текстов. – Вып.2 / Сост. и общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: БГУ. – 479 с.

Методология 2002: Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы анализа общественно-политических текстов. – Вып.3 / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: «Технопринт». – 360 с.

Stein.html.ssi: **Stein, G. J.** Information War – Cyberwar – Netwar. – www.infowar.com/mil_c4i/stein.html.ssi